

гласи и съ церковнымъ христіанствомъ, является проповѣдникомъ „личнаго самоусовершенствованія“.

На вопросъ о религіозномъ смыслѣ культуры Толстой отвѣтилъ отрицательно: культура есть зло, ибо отвлекаетъ отъ „единаго на потребу“ и представляетъ собою въ дѣйствительности лишь служеніе пороку, тщеславію, лжи, сплошное идолопоклонство. И потому надо духовно извергнуть изъ себя культуру и внѣшне отъ нея освободиться. Отсюда толстовская проповѣдь опрощенія, недѣланія, неучастія, вообще всякихъ *не*. Чтобы правильно оцѣнить эту мысль, надо различить въ ней два момента: обще-религіозный и чисто-толстовскій. Душа человѣка дороже цѣлаго міра, и въ сравненіи съ жизнью души не существуетъ никакихъ безусловныхъ цѣнностей, всѣ онѣ должны быть взвѣшиваемы предъ религіозной совѣстью. Однако этимъ еще не предрѣшается то отрицаніе культуры, которое находимъ у Толстого. Оно связано съ отрицаніемъ исторіи, какъ совокупнаго творчества людей, и съ религіознымъ индивидуализмомъ, проистекающимъ изъ его отверженія идеи Церкви. Единственною реальностью здѣсь являются лишь отдѣльныя души съ тѣмъ, что въ нихъ совершается, между ними не признается ни мистическаго, ни историческаго единства, внѣ чисто-этического общенія. При такомъ возрѣніи нѣтъ мѣста пониманію культуры, какъ совокупнаго и преемственнаго творчества людей, отверждающагося въ культурной традиціи, въ хозяйственной и государственной жизни. И вотъ на титанически поставленный вопросъ получается невѣроятной упрощенности отвѣтъ. Какъ это несоотвѣтствіе понять? Здѣсь въ душѣ Толстого обнажается иная порода, и на-ряду съ религіозной проявляется совсѣмъ другая стихія народной души, въ противорѣчьи и въ причудливомъ соединеніи съ первой. Это стихія нигилистическая и анархическая, наслѣдіе степного кочевья и вольницы, задержанная аморфность. Она особенно сильна въ нашей интеллигенціи, но она сильна также и въ Толстомъ, и именно на этомъ пунктѣ встрѣтились и соприкоснулись они. И страннымъ образомъ соединяясь и чередуясь, обѣ эти столь чуждыя и различныя стихіи одновременно окрашиваютъ собой ученіе Толстого о культурѣ.

Предъ Толстымъ во всю его долгую жизнь стоялъ одинъ чисто русскій вопросъ: „что дѣлать?“ какъ праведно жить? Отсюда проистекаетъ та сторона его писательской дѣятельности, въ которой